

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ ПОСТСОВЕТСКОЙ ПРИБАЛТИКИ

Андрей Семенович Скачков

МИД России, г. Москва, Россия

<p>Информация о статье:</p> <p><i>Поступила в редакцию:</i></p> <p style="text-align: right;">17 февраля 2016</p> <p><i>Зарегистрирована:</i></p> <p style="text-align: right;">2 октября 2016</p> <p><i>Принята к печати:</i></p> <p style="text-align: right;">1 ноября 2016</p>	<p>Аннотация: После обретения независимости в 1991 году правящие элиты Латвии, Литвы и Эстонии активно использовали вопросы истории в процессе государственного строительства. Они попытались формировать свою политику на отрицании и собственной интерпретации советского прошлого, что привело к острейшему конфликту исторических памятей на национальной почве и оказало заметное влияние на формировании политических процессов в Прибалтике.</p>
<p>Об авторе:</p> <p>к.полит.н., начальник отдела, Второй Европейский департамент, МИД России</p> <p>e-mail: andskachkov@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова:</p> <p>историческая память; политические процессы; правящие элиты; исторические образы и мифы; моделирования исторического сознания; конфликт памятей.</p>	

В современной политической практике историческая память активно используется правящими элитами различных стран для мобилизации общества и удержания власти, реализации внешнеполитических целей. История, хотим мы этого или нет, превратилась в господствующую идеологию многих политиков и режимов. При этом исторические образы и интерпретации (как положительные, так и отрицательные) особенно востребованы в периоды смены эпох и судьбоносных политических трансформаций, когда они берутся на вооружение для моделирования и утверждения новых образов национальной и государственной идентичности.

Важно подчеркнуть, что историческая память в современных политических реалиях отнюдь не является величиной постоян-

ной. Совсем наоборот, она моделируется в зависимости от интересов и задач различных политических групп, которые, говоря словами М. Хальбвакса, «формируют варианты интерпретации прошлого, через которые память проникает в традицию. Таким образом, происходит перенос центра внимания в паре «история/память» от паттернов воспоминаний к политике»¹.

В наши дни вышесказанное особенно наглядно проявляется в отношении истори-

¹ Кукарцева М. «Забытые» конфликты в фокусе современности / Современный мир и геополитика. – М.: Издательство КАНОН-ПЛЮС, 2015. – С. 176. [Kukartseva, M. “Zabitie” konflikti v fokuse sovremennosti (“Forgotten” Conflicts in the Focus of Modernity) / Sovremenniy mir I geopolitika. Izdatelstvo KANON-PLUS, 2015. P.176].

ческой памяти о Второй мировой войне. Эти нарративы достаточно статичны и не дискутируемы для таких государств как Россия, Великобритания, Франция, Италия и многие другие. В названных странах отношение к знаковым событиям, связанным с войной, формировалось на базе непререкаемости тезисов о героической освободительной роли советской и союзнических армий в борьбе с нацистской Германией, которая ассоциируется с абсолютным злом. И в современной Германии направленность исторического дискурса по данной проблеме в целом соответствует обозначенным параметрам.

Что же касается ощущения исторической памяти Второй мировой войны в странах Восточной Европы, то его достаточно точно передает британский политолог Т. Тэкер – в период Холодной войны оно «было магистральным и монолитным, в значительной степени сформированным на идеях советского коммунизма»². Начало кардинальных переоценок этих складывавшихся десятилетиями трактовок мы связываем с перекройкой карты Европы после развала СССР и советского блока. Произошла «фрагментация недавно монолитной памяти, появились целый ряд индивидуальных национальных воспоминаний о периоде войны»³, а также послевоенном периоде. При этом именно государства Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), в том числе бывшие прибалтийские республики, впервые в новейшей истории направили болезненный процесс поиска собственной национальной идентичности по пути отрицания и оспаривания устоявшейся памяти о войне.

Стремление положить историю в основу правящей идеологии, государственного строительства и формирования политических

институтов особенно отчетливо прослеживается на примере Латвии, Литвы и Эстонии, получивших независимость в 1991 году. Внезапно упавший в руки еще не сформированному балтийскому правящему классу суверенитет потребовал мобилизации усилий по легитимации власти, моделированию национального исторического сознания, созданию образов национальных героев и врагов.

Поскольку непродолжительный опыт самостоятельного развития в 1920-40 гг. оказался утрачен послевоенными поколениями и не мог быть использован новыми прибалтийскими элитами, они выбрали наиболее «простой» путь реализации в том числе геополитической задачи, поставленной перед ними западными кураторами. Они попытались побыстрее отмежеваться от исторического влияния восточного соседа через тотальную демонизацию и отрицание советского прошлого, духовным и правовым наследником которого объявлялась современная Россия. Таким образом, вопрос персонификации исторического врага был предрешен и достаточно быстро.

Примечательно, что, декларировав демократический выбор государственного развития и отказавшись от идеократических установок СССР, в том числе в отношении исторической науки и истории в целом, новоявленные политэлиты Прибалтики сами стали на путь жесткой идеологизации общественного сознания, выхолащивания любого инакомыслия в вопросах трактовки истории. Понятно, что подобные, не имеющие ничего общего с политическим плюрализмом условия, сделали неразрешимой задачу организации «эффективного управления обществом без эффективной экспертизы – политической, социологической, экономической»⁴

² Тэкер Т. Поиски национальной идентичности приводят к новой трактовке истории // Информационный портал RUBALTIC. 10.03.15. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/10032015-poiski/> [Thacker, T. Poiski natsionalnoi identichnosti privodiat k novoi traktovke istorii (Search for National Identity Results in New Representation of History) // *Informatsionniy portal: RUBALTIC. Mode of access: http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/10032015-poiski/*]

³ Ibid.

⁴ Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Серия – Российская политическая наука: истоки и перспективы. Под ред. Гаман-Галутвиной О.В. Предисловие Гаман-Галутвиной О.В. – М.: Издательство АСПЕКТ ПРЕСС, 2015. – С. 8. [Strukturnye transformatsii i razvitie otechestvennykh shkol politologii (Structural Transformations and Development of Russian Political Science School) / Seriya – Rossiiskaia politicheskaia nauka: istoki i perspektivy. Ed. by Gaman-Galutvina, O.V. Foreword by Gaman-

(добавлю, исторической). В социальный, политический и межэтнический аспекты государственного развития изначально был заложен разрушительный конфликтный потенциал.

Не стоит в этом плане забывать, что главным отличием Латвии, Литвы и Эстонии от других государств ЦВЕ, также практиковавших одностороннюю интерпретацию советского прошлого в увязке с претензиями к России, являлось формирование политического дискурса о новом историческом сознании под сильным влиянием т.н. западных прибалтов – потомков послевоенных иммигрантов, которые в постсоветские годы репатрировалась из западной Европы, США и Канады. Понятно, что в качестве идеологического императива эта прослойка принесла свое сугубо негативное видение роли СССР в истории Прибалтики, наследованное от родителей, многие из которых сотрудничали с нацистскими оккупационными властями или сражались на фронтах Второй мировой войны на стороне гитлеровской Германии. В своей книге «Латвийский кандидат, или неизвестные приключения в Европе» итальянский политик и журналист Дж. Кьеца подробно затрагивает тему создания руководящих элит Польши, Литвы, Латвии и Эстонии под воздействием западных репатриантов, заряженных антироссийскими и антирусскими настроениями. Он отмечает, что произошедшее «не было случайностью или ошибкой, а целенаправленным воздействием в пользу формирования правительств из людей, которые враждебно относились к России»⁵.

Идеологическим флагом этих репатриантов, занявших влиятельные позиции в политическом истеблишменте новых прибалтийских государств, стали по меньшей мере

Galutvina, O.V. Moscow: Izdatel'stvo ASPEKT PRESS, 2015. P. 8].

⁵ Кьеца Дж. В Европе доминирует беспрецедентная ложь // Информационный портал RUBALTIC. 18.08.14. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/denmark/18082014-kieza/> [Chiesa, G. V Evrope dominiruet bespretsedennaya loj (Europe is Dominated by Outright Lie) // *Informatsionnyy portal: RUBALTIC*. Mode of access: <http://www.rubaltic.ru/article/denmark/18082014-kieza/>]

спорные с точки зрения исторической науки и международного права утверждения о «советской оккупации» и «аннексии» Прибалтики, а также мифологизированные образы участников т.н. «национального сопротивления» (к ним поспешили отнести латвийских и эстонских легионеров «Ваффен СС», а также «лесных братьев», боровшихся с советской властью вплоть до середины 50-х годов прошлого столетия). Подобными возведенными в разряд хрестоматийных истин трактовками и стали руководствоваться в проведении внутреннего и внешнеполитического курса новый правящий класс, а также историческая наука прибалтийских государств.

Эти новые исторические нарративы получили закрепление в целом ряде официальных документов. Например, в Латвии можно упомянуть декларации Сейма «Об оккупации Латвии» от 22 августа 1996 г., «О латышских легионерах во Второй мировой войне» от 29 октября 1998 г. и «Об осуждении осуществлявшегося в Латвии тоталитарного оккупационного режима СССР» от 12 мая 2005 г. В частности, в декларации «Об оккупации Латвии» утверждается, что «Руководство СССР целенаправленно наводнило Латвию сотнями тысяч мигрантов, чтобы с их помощью уничтожить идентичность народа Латвии»⁶. В свою очередь, в декларации о легионерах делается попытка преуменьшить преступления нацистов, меркнущих по сравнению со «злодеяниями» советского режима, ретушировать память о жертвах нацистского геноцида и на этом фоне героизировать латышских участников формирований «Ваффен-СС». Приведем достаточно красноречивую выдержку из этого документа: «Действительно, некоторая часть граждан Латвии вступила в латышский легион добровольно, но это произошло потому, что СССР в 1940-1941 гг. осуществлял в Латвии геноцид. Германия также в

⁶ Симиндей В. Историческая политика Латвии – Материалы к изучению. – М.: Фонд «Историческая память», 2014. – С. 39, 42. [Simindey, V. Istoricheskaya politika of Lithuania – materialy k izucheniyu (Historical Policy of Latvia – Information for Consideration). Moscow: Fond Istoricheskaya pamiat, 2014. P. 39, 42].

это время допускала военные преступления и геноцид, однако они затронули граждан Латвии в многократно меньших объемах. Поэтому, вступая в легион, некоторые граждане Латвии считали, что защищают себя и свои семьи от новых массовых репрессий со стороны СССР»⁷.

Подобные исторические установки доводились властными структурами до научного сообщества для использования в качестве обязательного ориентира в работе. Так, госсекретарь МИД Латвии А. Тейкманис в интервью газете «Латвияс авизе» от 11 января 2011 г. заявлял, что «не может быть и речи о том, что наши историки придут к каким-то абсолютно новым выводам. Мы свою историю переписывать не будем и не собираемся этого делать ни на йоту». Председатель Сейма ЛР С. Аболтиня также отмечала, что «советская оккупация Латвии является таким же неоспоримым и фундаментальным фактом, как и Холокост»⁸.

Альтернативное мнение на вопросы послевоенной истории в прибалтийских странах рассматривается как проявление нелояльности государству (отрицание факта «советской оккупации») со всеми вытекающими персональными последствиями. В Литве на этот счет даже был принят соответствующий уголовный закон⁹.

Параллельно Рига, Вильнюс и Таллин ввели запреты на въезд в свои страны рос-

сийским ученым и экспертам, стоящим на неприемлемых с точки зрения прибалтийских властей идеологических позициях. Только в последние годы Латвией и Литвой персонами нон-грата были объявлены сотрудники российского фонда «Историческая память» А. Дюков и В. Симиндей, политологи М. Колеров и С. Михеев. Широкий резонанс в европейских странах получил запрет эстонских властей на въезд в страну Дж. Кьеза с формулировкой, что он «представляет угрозу» национальной безопасности Эстонии.

Чисто методологически в выборе исторических стереотипов, формирующих историческое сознание, новые прибалтийские элиты изначально сделали ставку на профилирование сложных периодов совместного с Россией прошлого (насилованный характер вступления в СССР в 1940 г., депортации 1940 и 1949 гг., тяготы пребывания в составе СССР и т.д.). Российская сторона, наоборот, настаивала на максимально непредвзятом и объективном анализе истории без какой-либо политизации. В этих целях прибалтам было предложено вывести проблемные вопросы за скобки политических дискуссий, отдать их на рассмотрение двусторонних комиссий историков.

Нужно отметить, что такие комиссии по обоюдному согласию были созданы с Латвией и Литвой. Однако их работа не увенчалась успехом из-за постоянного стремления одной стороны использовать эти структуры для продвижения односторонних «оккупационных» подходов, а также специфического видения исторических фактов, а также мифов о войне. Так, сопредседатель латвийской части комиссии И. Фелдманис сразу достаточно ясно расставил акценты, подчеркнув, что «наша позиция по событиям 1939-1940 гг. твердая. Работа совместной комиссии будет направлена в такое русло, чтобы быть полезной для Латвии»¹⁰. Уместно вспомнить,

⁷ Там же. С.42. [Ibid, P.42].

⁸ Война памяти: зачем Латвии двусторонняя комиссия историков? // Информационный портал: RUBALTIC. 06.12.13. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/obrazovanie-i-nayka/voyny-pamyati-zachem-latvii-dvustoronnyaya-komissiya-istorikov05122013/> [Voina pamiati: zchem Latvii dvustoronnia commissia istorikov? (War of Memories: Why Latvia Needs Bilateral Commission on History) // *Informatsionniy portal: RUBALTIC*. Mode of access: <http://www.rubaltic.ru/article/obrazovanie-i-nayka/voyny-pamyati-zachem-latvii-dvustoronnyaya-komissiya-istorikov05122013/>]

⁹ В январе 2013 г. литовский политик левого толка А. Палецкис был признан Верховным судом ЛР виновным в отрицании «советской оккупации» – вины советских войск в январских событиях у Вильнюсской телебашни 1991 г. В качестве наказания был назначен денежный штраф.

¹⁰ Симиндей В. Историческая политика Латвии – Материалы к изучению. – М: Фонд «Историческая память», 2014. – С. 18. [Simindey, V. Istoricheskaya politika of Latvia – materiali k izucheniyu (Historical Policy – Information for Consideration). Moscow: Fond Istoricheskaya pamiat, 2014. P. 18].

что именно этот историк в свое время на странице латвийской газеты доказывал, что концлагерь Саласпилс под Ригой не являлся лагерем смерти, т.к. людей там, якобы, «убивали не сразу после привоза как в обычных лагерях»¹¹. При этом он пытался показать, что российские историки «умышленно в десятки раз преувеличивают» число погибших в этом лагере: «Всего там было уничтожено лишь только две тысячи человек, а не сто тысяч. Это была скорее расширенная тюрьма. Лагерь строили привезенные из Германии евреи, и из них какая-то тысяча в Саласпилсе погибла...»¹². Впоследствии ряд латышских историков (К. Кангерс, У. Нейбургс, Р. Виксне) попытались творчески развить эти «наработки», доказывая, что в Саласпилсе у малолетних детей не выкачивали кровь для солдат Вермахта, а «брали анализы и лечили». Комментарии, как говорится в таких случаях, излишни.

Между тем, если латышами, литовцами и эстонцами новые исторические образы были восприняты без особых дискуссий как данность, то населявшая, прежде всего Латвию и Эстонию, многочисленная русскоязычная община почувствовала опасный подвох. Ведь положенная в основу государственного строительства этих стран концепция континуитета¹³ вскоре материализовалась в беспрецедентный для Европы феномен массового безгражданства. Он стал

результатом введённого Ригой и Таллином в начале 1990-х дискриминационного законодательства о восстановлении гражданства только для этнических латышей и эстонцев, а также представителей нацменьшинств, проживавших в этих странах до июня 1940 г. (т.е. до начала «советской оккупации»).

Применительно к теме данного исследования можно констатировать, что такой подход полностью отвечает логике формирования исторического и политического дискурса в государствах Прибалтики в соответствии с ожиданиями националистически ориентированного избирателя, который воспринимает историю в созданных для него мифологизированных образах. Приходится при этом учитывать, что более трети постоянных жителей Латвии и Эстонии в результате реализации концепции континуитета стала в одночасье «негражданами», лишившись политических (в том числе избирательных) прав. В этой ситуации свое отличное мнение на историю в первые годы независимости эти люди были вынуждены оставить при себе. В Литве же немногочисленная русскоязычная диаспора вообще не принималась в политический расчёт.

Таким образом, процесс моделирования исторического сознания в Прибалтике на начальном этапе проходил без участия значительной части населения, что внешне могло создавать иллюзию относительной бесконфликтности дискурса по вопросам истории.

В реальности же ситуация складывалась намного драматичнее. Речь шла об углублении год от года острейшего конфликта исторических памятей на основе диаметрального восприятия русскоязычной и балтийскими диаспорами предвоенного, военного и послевоенного периодов. Формировались антагонистические трактовки причин (в т.ч. пресловутого пакта Молотова-Риббентропа) и итогов Второй мировой войны, образов победителей и жертв, героев и преступников войны.

Хорошо известно, к примеру, принятое в качестве аксиомы в балтийской историографии суждение о том, что их страны в середине прошлого века пережили «три оккупации» – нацистскую и две советские

¹¹ Война памяти: зачем Латвии двусторонняя комиссия историков? // Информационный портал: RUBALTIC. 06.12.13. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/obrazovanie-i-nayka/voyny-pamyati-zachem-latvii-dvustoronnyaya-komissiya-istorikov05122013/> [Voina pamiati: zachem Latvii dvustoronnia commissia istorikov? (War of Memories: Why Latvia Needs Bilateral Commission on History) // *Informatsionniy portal: RUBALTIC*. Mode of access: <http://www.rubaltic.ru/article/obrazovanie-i-nayka/voyny-pamyati-zachem-latvii-dvustoronnyaya-komissiya-istorikov05122013/>]

¹² Ibid

¹³ В основу принятого в Латвии, Литве и Эстонии конституционного законодательства положен принцип т.н. «прерванного суверенитета» в результате советской «оккупации» и «аннексии» 1940 г. Исходя из этой логики, в 1991 г. указанные страны восстановили, а не обрели независимость.

(1940 и 1944 гг.), в 1945 году не обрели свободу, а попали в новое «советское рабство». Именно такая трактовка дается в учебнике «История Латвии – 20-й век», вышедшем в Риге в 2005 г. и переизданном в 2015 г.

Переписанная прибалтами история возвела в ранг национальных героев таких одиозных нацистских преступников как Г. Цукурс (в его честь в Латвии была выпущена почтовая марка, ставилась театральная постановка). Для мифологизации Г. Цукурса националистическая элита Латвии и подконтрольные ей СМИ замалчивали участие этого «героя» в расправах над евреями, делая упор на его подвигах в качестве известного латвийского летчика довоенного периода.

Во всех государствах прибалтийской тройки прошли церемонии перезахоронения с государственными почестями бывших отъявленных нацистских преступников, верой и правдой служивших Гитлеру. В Латвии речь идет о Р. Бангерскисе – бывшем генерал-инспекторе войск СС в звании группенфюрера. В Эстонии также торжественно перезахоронили ряд бывших эсэсовцев, последний раз в январе 2014 г. – Х. Нугисекса, помпезная церемония прощания с которым прошла «при широком участии офицерского корпуса, молодежи и официальных властей»¹⁴. Напомним, что Х. Нугисекс являлся одним из четырех эстонских легионеров 20-й дивизии Ваффен СС, заслуживших от нацистских хозяев Рыцарский Железный крест. И Литва не отставала в чествовании своих коллаборационистов. В мае 2012 г. сюда был доставлен из США и торжественно перезахоронен в Каунасе прах Ю. Амбразевичюса (Бразайтиса) – премьер-министра созданного нацистами летом 1941 г. марионеточного Времен-

ного правительства Литвы. Этот персонаж известен как один из главных организаторов массовых убийств евреев на территории оккупированной Литвы.

Свой «очищенный» от советской идеологии взгляд на историю руководители Латвии, Литвы и Эстонии не только возвели в разряд хрестоматийных истин для внутреннего потребления, но и постарались привнести в европейский и международный исторический дискурс. В конечном итоге они добились своего – смоделированный образ балтийских государств как жертв «советской оккупации», а также нарратив о равной ответственности нацистской Германии и СССР перед европейскими народами, получил моральную поддержку правоконсервативных сил на Западе. В результате, следуя определению историка И.В. Никифорова, «воинствующая память» прибалтов нашла отражение в документах международных форумов, в частности, в резолюции Парламентской Ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 г. «О воссоединении разделённой Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке». В этой резолюции осуждаются «преступления сталинского и нацистского режимов», а также предлагается сделать 23 августа – день подписания пакта Молотова-Риббентропа – «днём памяти жертв нацизма и сталинизма»¹⁵.

Европарламент также внес свою неблаговидную лепту в данном вопросе: по решению этого органа страны ЕС ежегодно, начиная с 2009 г., отмечают 23 августа Европейский день памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов. Наиболее деструктивным моментом в данном контексте является стремление балтийских стран стимулировать в восприятии европейцев увязку мрачных страниц недавней истории континента с современной Россией, которая, якобы, способствует «официальному

¹⁴ Уполномоченный МИД РФ: состоявшиеся в Эстонии похороны нацистского преступника Харальда Нугисекса “вызывают законное возмущение” / Электронный ресурс ДЕЛФИ, 15.01.2014. Режим доступа: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/67613806>. [Upolnomochennyj MID RF sostoyavshiesya v estonii pohorony nacistkogo prestupnika haralda nugiseksa vyzyvayut zakonnoe vozmuschenie (Representative of the MFA of Russia: Funerals of Nazi Criminal Harald Nugiseks in Estonia “Arouses Lawful Indignation”)/DELFИ, 15.01.2014. Mode of access: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/67613806>].

¹⁵ Резолюция Парламентской Ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 г. «О воссоединении разделённой Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» [Resolution of OSCE Parliamentary Assembly of 03 August, 2009. “On the Reunification of Divided Europe: Promoting Human Rights and Civil Liberties in the Region”].

прославлению Советского Союза и его тоталитарных лидеров». Так зафиксировано в совместном заявлении «балтийской тройки» по итогам состоявшейся 22-23 августа 2016 г. в Братиславе министерской конференции по случаю Европейского дня памяти жертв тоталитарных и авторитарных режимов.

Следует, однако, признать, что «жертвенная» судьба прибалтийских государств была признана на Западе отнюдь не бескорыстно, а в обмен на публичные покаяния за учиненный на территории этих стран в годы войны Холокост. Эти ритуальные извинения в Латвии, к примеру, ежегодно произносятся первыми лицами страны в присутствии дипломатического корпуса и высокопоставленных эмиссаров из Израиля. Покаяния совершаются на месте массового сожжения евреев коллаборационистами из т.н. «команды Арайса» в рижской хоральной синагоге летом 1941 г.

Другим примером, подтверждающим произошедшие под влиянием прибалтов в европейском историческом и правовом сознании трансформации, может служить прецедентное решение Большой Палаты Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) от 17 мая 2010 г. по делу «Кононов против Латвии». Первичный вердикт в пользу пострадавшей стороны (В.М. Кононов) был изменен, несмотря на явные пробелы в доказательной базе и ретроактивное применение закона латвийскими судами, ЕСПЧ пошел на признание обвинительного приговора, вынесенного в Латвии бывшему советскому партизану, обвиненному в «геноциде латвийского народа».

Можно утверждать, что кардинальные различия в трактовках прошлого и неразрешимый конфликт исторических памятей оказали ощутимое воздействие на политические процессы и практику постсоветских прибалтийских государств. Хотя вопросы истории напрямую и не вносились в так называемые коалиционные соглашения, неформально заключаемые в Латвии после формирования нового правительства, они превратились в своего рода негласный тест на политическую лояльность. Латышский электорат организовано голосует за «свои» исторические ценности, которые защищают

свои этнические партии. Русскоязычные, в свою очередь, отдают голоса за собственную «историческую правду».

Нежелание властной вертикали разрядить подобную конфликтную ситуацию путем поиска компромиссов в историческом вопросе только усугубляет положение. Как верно подмечает М. Кукарцева, «если нарративы еще несут и бремя национальной или этнической идентичности, то в них всегда существуют конфликтующие темпоральные параллели с необходимой отсылкой к исторической памяти»¹⁶. Уместна в этой связи отсылка к работе П. Рикера «Время и нарратив», в которой подробно описывается, каким образом исторические события становятся источниками консолидации этнической солидарности и идентичности через проявление недоверия одного этноса к другому.

Применительно к Латвии на данной проблеме подробно останавливается латвийский политолог Н. Муйжниекс (в начале 2000-х был министром по делам общественной интеграции в правительстве Латвии, ныне – Комиссар Совета Европы по правам человека). В своем социологическом исследовании «Геополитика истории в российско-латвийских отношениях» (2011) он отмечает, что на вопрос, от кого больше пострадали жители страны в 1940-е годы, СССР или Германии, большинство опрошенных этих населяющих современную Латвию этнических групп ответили диаметрально противоположно. «Латышская идентичность оказалась тесно связана с ощущениями страданий от советской оккупации и сталинских депортаций. Русские же, наоборот, ассоциировали эти переживания исключительно с периодом немецкой оккупации»¹⁷. Автором делается вывод, что

¹⁶ Кукарцева М., Валиева З. Политический нарратив – инструмент «формирования себя» в мировой политике // *Обозреватель-Observer*. – 2013. – №4. – С.102. [Kukartseva, M.; Valieva, Z. Politichitskiy narrative – instrument “formirovaniya sebja” v mirivoi politike (Political Narrative – the Tool of “Self-Creation” in World Politics) // *Obzrevatel-Observer*, 2013, No. 4, p. 102].

¹⁷ Muižnieks, N. *The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations*. Academic Press of the University of Latvia, 2011. P.11.

при столь резких отличиях в восприятии истории русского и латышского населения отсутствие продуманной политики властей по интеграции общества может привести к обострению межэтнического конфликта.

Однако прибалтийские власти редко прислушивались к советам умеренных политиков и ученых. Для этого, впрочем, существовали вполне объективные предпосылки: в Латвии и Эстонии, например, за все годы независимости в правящую коалицию никогда не входили центристские партии, способные занять взвешенную позицию по историческим вопросам. Этот феномен высвечивается эстонским исследователем И. Розенфельдом, акцентировавшим правый перекокс в эстонской политике, который выражается в «безальтернативном господстве правых партий и в жестком подавлении оппозиции – маргинализации и оттеснении на край политического поля не только левых, но также и центристских сил». В историческом аспекте «правый перекок» означает «полное господство правонационалистических идеологических стереотипов относительно прошлого и настоящего развития Эстонского государства»¹⁸.

Схожую картину рисует нам и политическая палитра Латвии. По аналогии с Центристской партией Эстонии Э. Сависаара межэтническое умеренное объединение «Центр согласия» (ЦС) мэра Риги Н. Ушакова всегда находилось либо в парламентской оппозиции, либо возглавляло столичный муниципалитет.

Что касается Литвы, то, хотя правые консерваторы и левоцентристы поочередно формировали здесь правящую коалицию, и те, и другие, по сути, солидаризировались в «оккупационных» подходах к истории, отличаясь лишь в тактических моментах. Так, сторонники прагматичного диалога с Западом и Россией, социал-демократы предпочитали более сдержанную риторику на исторические темы. Образованное же на-

чиная с 2009 г. предвыборное объединение «Избирательной акции поляков Литвы» и «Русского альянса», которое в последние годы участвовало в работе правящей левоцентристской коалиции Литвы, историческую тематику в политическую повестку практически не вносило (за исключением вопросов написания имен и географических названий на языках нацменьшинств).

Следует подчеркнуть, что в условиях ограниченности прибалтийской демократии, особенно усеченности политических прав нацменьшинств в Латвии и Эстонии, в этих странах возникает детерминированная сверху политическая реальность, когда ученые, а также профессиональные журналисты не только находятся под контролем политических субъектов, в том числе спецслужб, но и пребывают в процессе постоянного перелива из науки в политику и наоборот. Примерами могут служить президент Латвии В. Фике-Фрейберга (в прошлом профессор психологии Монреальского университета), министр обороны и иностранных дел Латвии А. Пабрикс (профессор истории и политологии ряда латвийских вузов). В этом случае граница между историками, изучающими политику, и политиками, заинтересованными в истории, весьма расплывчата. Такие политики начинают играть решающую роль в законодательном и административном моделировании образовательных процессов, активно влияют на издательскую и журналистскую деятельность, музейное дело, определяют, кому возводить памятники и в честь кого называть улицы городов. По сути такая политико-научная уния берет под полный контроль формирование общественного и исторического сознания.

Идеологическое воздействие осуществляется не только на наиболее чувствительные для общества сферы формирования отношения к празднованию памятных дат, которое строится по зеркальному принципу – все что хорошо для российской историографии, автоматически плохо для прибалтийского восприятия. В этом плане даты советских бомбардировок Нарвы и Таллина 1944 г., освобождения советской армией Риги и прекращения сопротивления латышских легионеров в Курземском котле вес-

¹⁸ Розенфельд И. Эстония до и после «Бронзовой ночи». – Тарту: Издательство «Крипта», 2009. – С. 4-5. [Rosenfeld, I. Estonia do I posle "Bronzovoi nochi" (Estonia before and after "Bronze Night"). Tartu: Izdatelstvo "Kripta", 2009. Pp.4-5].

ной 1945 г. «отмечают» в Латвии, Литве и Эстонии как «черные дни». Находящиеся у власти в Латвии националистические партии полуофициально, а иногда и открыто, поддерживают празднование 16 марта – дня памяти латышского легиона «Ваффен СС». Одновременно раздаются требования запретить празднование Дня Победы 9 мая.

Но и, казалось бы, абсолютно нейтральные и не политизированные исторические имена, темы и события подвергаются идеологической обработке. Из прибалтийских школьных учебников изъяты, либо даны в негативной коннотации факты достижений советской науки, освоения космоса, свершений в областях культуры и спорта. Только за то, что они жили в советское время, оказались забытыми и изъятыми из памяти молодого поколения такие знаменитые прибалты, как хирург-травматолог В. Калнбернз, певец Г. Отс, актеры Д. Банионис, В. Артмане, Л. Озолия, Ю. Будрайтис и многие другие. Между тем, эти выдающиеся люди безусловно заслуживают того, чтобы навечно быть внесены в золотой фонд наследия своих государств.

Говоря о праздновании Дня Победы в прибалтийских странах, можно отметить, что он превратился здесь в сильнейший мобилизующий фактор протестной по своей мотивации солидарности. Этот день отмечается особым эмоциональным накалом, ежегодно собирает у памятников советским воинам-освободителям от фашизма в Риге, Вильнюсе, Таллине и других прибалтийских городах десятки тысяч людей, главным образом, русскоязычной молодежи, которые ассоциируют свою идентичность с демонстрацией собственного исторического «я», отличного от навязываемого официоза.

В Эстонии линия правительства на героизацию бывших эсэсовцев и борьбу с советскими символами проявилась наиболее отчетливо и драматично. Принятое Таллином в апреле 2007 г. провокационное решение перенести советский памятник «Бронзовому солдату» вылилось в массовые протесты русскоязычных жителей, в ходе которых местными националистами был убит гражданин России Д. Ганин.

В 2000 г. был открыт музей 20-й дивизии СС в г. Пярну, после этого имела место история с установкой соответствующего памятника в г. Лихула. Только после активного вмешательства европейцев этот монумент пришлось демонтировать. Однако правонационалистические силы Эстонии и не думали примириться с этой ситуацией, в последующие годы были вновь установлены памятники бывшим легионерам, в том числе на высотах Синимяэ, где в 1944 г. проходили тяжелые бои советской армии с 10-й дивизией СС. В латвийском поселке Бауска в 2012 г. также был установлен монумент в память латвийским эсэсовцам.

Наиболее одиозным проектом по мифологизации исторического сознания в Эстонии стала проводимая ежегодно с 1993 г. военно-спортивная игра «Поход Эрна». Речь идет о маршруте, повторяющем путь диверсионной группы Абвера, заброшенной летом 1941 г. в тыл Красной Армии. В отдельные годы в «игре» принимали участие молодежные команды из Англии, Литвы, Швеции, Финляндии, Норвегии, Шотландии, Дании, Польши, Австрии и других стран. Россия неоднократно выражала возмущение по поводу интернационализации этого прославляющего нацистскую историю мероприятия.

В государствах Прибалтики отмечены неоднократные попытки использовать символику Третьего Рейха в «патриотической» работе с молодежью. Причем делается это завуалированно с учетом имеющихся в этих странах формальных запретов на пропаганду нацизма. Например, в Латвии представители правонационалистических партий проводили в школах «уроки мужества» в форме легионеров «Ваффен СС». В Латвии и Эстонии выпускались новогодние календари и марки с изображением участников этих нацистских формирований. Атрибутику легионеров (шевроны, знаки отличия, нацистская форма) можно приобрести в свободной продаже в Риге и Таллине, она экспонируется в созданных в этих странах музеях «оккупации». Вход в такие музеи бесплатный, туда в обязательном порядке в соответствии с правилами госпротокола привозят глав иностранных делегаций.

Конфликт исторических памятей в Латвии повлиял на формирование внутривнутриполитического дискурса и к концу 1990-х привел к институализации политических сил, готовых отстаивать парламентским путем альтернативные исторические трактовки, не совпадающие с официальной доктриной. Речь идет о русскоязычной партии «За права человека в единой Латвии» (ПЧЕЛ, современное название – «Русский союз Латвии») во главе с харизматическим лидером Т. Жданок. ПЧЕЛ выступила в защиту традиционных для большинства представителей русскоязычной общины представлений об итогах Великой Отечественной войны и освободительной роли советской армии. Эта работа проводилась ПЧЕЛ как в рамках Сейма Латвии, так и в составе делегации этой страны в Европейском парламенте.

К середине 2000-х неспособность ПЧЕЛ в силу объективных обстоятельств добиться изменений в правочеловеческой ситуации в Латвии привела к появлению более популярной в русскоязычной среде политической силы – объединения «Центр согласия» (ЦС, нынешнее название – социал-демократическая партия «Согласие»), сумевшего заручиться поддержкой и части латышского электората. Однако конформистский настрой центристов и готовность к компромиссам с правящими националистами по принципиальным вопросам трактовки истории привел к тому, что в ходе парламентской кампании 2010 г. их лидеры ради попадания в правительство пошли на публичное признание «оккупации». Это было расценено многими сторонниками ЦС как сдача позиций. Были сделаны соответствующие выводы и больше подобных заявлений руководители ЦС не допускали. Более того, для восстановления имиджа партии Н. Ушакову пришлось пойти на поддержку проведенного в январе 2011 г. в Латвии референдума о придании русскому языку официального статуса.

Эти колебания свидетельствуют о том, насколько значимым фактором политического процесса современной Латвии остается исторический вопрос. Отношение к истории служит неизменным барометром настроений, как в русскоязычной среде, так и в латышской общине.

В эстонском случае русскоязычное политическое пространство оказалось раздробленным в результате давления на организации нацменьшинств и их лидеров со стороны властных структур. У русских не оставалось иной альтернативы, как голосовать за партию Э. Сависаара, которая в вопросах истории, хоть и занимала умеренную позицию, все же старалась не противоречить генеральной линии правящего националистического большинства. Поэтому исторический дискурс приобрел в этой стране более дискретный характер, а назревавший годами на этой почве межэтнический конфликт прорвался только в мае 2006 г. в связи с трагическими событиями «Бронзовой ночи». После этого протестного всплеска властям вновь удалось взять ситуацию под жесткий контроль.

На среднесрочную перспективу можно прогнозировать маловероятность существенных сдвигов в политической ситуации, связанной с исторической памятью в государствах Прибалтики. За недостатком других опорных точек формирования национальной идентичности, использование «воинствующей памяти», подогреваемой враждебными образами современной России, будет столь же высоко востребовано местными националистическими элитами. Тенденциозные интерпретации советского прошлого продолжают играть системообразующую роль в политической практике этих государств.

При этом в качестве оправдания дискриминационного курса в отношении нацменьшинств, а также антироссийского вектора внешней политики правящие прибалтийские элиты продолжают использовать тезис о некоей особенности своей истории. Кстати, абсолютно прав латвийский историк А. Плаканс, утверждая, что балтийским странам не следовало бы прикрываться этой своей «особенностью». Им нужно было действовать в соответствии с той системой ценностей, которую на протяжении последних десятилетий исповедовала Европа. Перенесенные в прошлом испытания не давали особого права на исключительность, ведь многие народы Европы пострадали в прошлом, но избрали путь толерантного мульт-

тикультурного развития, что принесло им огромные политические и социальные дивиденды. Отбрасываем здесь изменившийся в последние годы ландшафт, при котором политика мультикультурализма оказалась под угрозой в связи с чрезмерной неуправляемой миграцией.

Однако, как представляется, компромисс по принципиальному для прибалтов вопросу трактовки их пребывания в составе СССР вряд ли возможен на нынешнем этапе. Ведь оккупационная концепция лежит в основе государственной идеологии, легитимизирует несущие опоры прибалтийской государственности: реституцию и существование института безгражданства.

В этой связи сама по себе конструктивная идея «деполитизации истории и вывода ее за рамки двустороннего межгосударственного диалога»¹⁹ на данном этапе не видится работоспособной. Ситуация, однако, сможет измениться в сторону прагматизма и появления более компромиссных подходов к трактовке недавнего прошлого в процессе постепенной смены правящих в Латвии, Литве и Эстонии элит.

Литература:

Война памяти: зачем Латвии двусторонняя комиссия историков? // Информационный портал: RUBALTIC. 06.12.13. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/obrazovanie-i-nauka/voyny-pamyati-zachem-latvii-dvustoronnyaya-komissiya-istorikov05122013/>

Воротников В. Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века. – М.: «Аспект Пресс», 2015. – С.201.

Кукарцева М. «Забывтые» конфликты в фокусе современности / Современный мир и геополитика. – М.: Издательство КАНОН-ПЛИУС, 2015. – С.176.

Кукарцева М., Валиева З. Политический нарратив – инструмент «формирования себя» в мировой политике // Обозреватель-Observer. – 2013. – №4. – С.102.

Кьеза Дж. В Европе доминирует беспрецедентная ложь // Информационный портал RUBALTIC. 18.08.14. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/denmark/18082014-kieza/>

Резолюция Парламентской Ассамблеи ОБСЕ от 3 июля 2009 г. «О воссоединении разделённой Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке»

¹⁹ Воротников В. Внешняя политика государств Балтии в начале XXI века. – М.: «Аспект Пресс», 2015. – С.201. [Vorotnikov, V.M. Vneshnia politika gosudarstv Baltii v nachale XXI veka (Foreign Policy of Baltic States at the Beginning of the XXI Century). Moscow: "Aspekt Press", 2015. P.201].

Розенфельд И. Эстония до и после «Бронзовой ночи». – Тарту: Издательство «Крипта», 2009.

Симиндей В. Историческая политика Латвии – Материалы к изучению. – М.: Фонд «Историческая память», 2014.

Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Серия – Российская политическая наука: истоки и перспективы. Под ред. Гаман-Галутвиной О.В. Предисловие Гаман-Галутвиной О.В. – М.: Издательство АСПЕКТ ПРЕСС, 2015.

Тэкер Т. Поиски национальной идентичности приводят к новой трактовке истории // Информационный портал RUBALTIC. 10.03.15. Режим доступа: <http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/10032015-poiski/>

Уполномоченный МИД РФ: состоявшиеся в Эстонии похороны нацистского преступника Харальда Нугисекса “вызывают законное возмущение” / Электронный ресурс ДЕЛФИ, 15.01.2014. Режим доступа: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/67613806>.

Muižnieks, N. The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations. Academic Press of the University of Latvia, 2011.

References:

Chiesa, G. V Evrope dominiruet bespredsedentnaya loj (Europe is Dominated by Outright Lie) // *Informatsionniy portal: RUBALTIC*. Mode of access: <http://www.rubaltic.ru/article/denmark/18082014-kieza/>

Kukartseva, M. “Zabitie” konflikti v fokuse sovremennosti (“Forgotten Conflicts in the Focus of Modernity”) / *Sovremenniy mir I geopolitika*. Izdatelstvo KANON-PLUS, 2015.

Kukartseva, M.; Valieva, Z. Politicheskii narrative – instrument “formirovaniya sebja” v mirivoi politike (Political Narrative – the Tool of “Self-Creation” in World Politics) // *Obzrevatel-Observer*, 2013, No. 4.

Muižnieks, N. The Geopolitics of History in Latvian-Russian Relations. Academic Press of the University of Latvia, 2011.

Resolution of OSCE Parliamentary Assembly of 03 August, 2009. “On the Reunification of Divided Europe: Promoting Human Rights and Civil Liberties in the Region.”

Rosenfeld, I. Estonia do I posle “Bronzovoi nochi” (Estonia before and after “Bronze Night”). Tartu: Izdatelstvo “Kripta”, 2009.

Simindey, V. Istoricheskaya politika of Lithuania – materiali k izucheniyu (Historical Policy of Latvia – Information for Consideration). Moscow: Fond Istoricheskaya pamiat, 2014.

Strukturnye transformatsii i razvitie otechestvennykh shkol politologii (Structural Transformations and Development of Russian Political Science School) / *Seriia – Rossiiskaia politicheskaja nauka: istoki i perspektivy*. Ed. by Gaman-Galutvina, O.V. Foreword by Gaman-Galutvina, O.V. Moscow: Izdatel'stvo ASPEKT PRESS, 2015.

Thacker, T. Poiski natsionalnoi identichnosti privodiad k novoi traktovke istorii (Search for National Identity Results in New Representation of History) // *Informatsionniy portal: RUBALTIC*. Mode of access: <http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/10032015-poiski/>

Upolnomochennyj MID RF sostoyavshiesya v estonii pohorony nacistsskogo prestupnika haralda nugiseksa vyzyvayut zakonnoe vozmuschenie (Representative of the MFA of Russia: Funerals of Nazi Criminal Harald

Nugiseks in Estonia “Arouses Lawful Indignation”) / *DELFI*, 15.01.2014. Mode of access: <http://rus.delfi.ee/daily/estonia/67613806>

Voina pamiati: zchem Latvii dvustoronnia commissia istorikov? (War of Memories: Why Latvia Needs Bilateral Commission on History) // *Informatsionniy portal*:

RUBALTIC. Mode of access: <http://www.rubaltic.ru/article/obrazovanie-i-nayka/voyny-pamyati-zchem-latvii-dvustoronnyaya-komissiya-istorikov05122013/>

Vorotnikov, V. M. Vneshnia politika gosudarstv Baltii v nachale XXI veka (Foreign Policy of Baltic States at the Beginning of the XXI Century). Moscow: “Aspekt Press”, 2015.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2017-8-1-140-151>

HISTORIC MEMORY IN THE POLITICAL PROCESSES OF THE POST-SOVIET BALTIC STATES

Andrey S. Skachkov

*Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

<p>Article history:</p> <p><i>Received:</i></p> <p style="text-align: right;">17 February 2016</p> <p><i>Registered:</i></p> <p style="text-align: right;">2 October 2016</p> <p><i>Accepted:</i></p> <p style="text-align: right;">1 November 2016</p>	<p>Abstract: After gaining independence in 1991 the ruling elites of Latvia, Lithuania and Estonia actively used historical questions in the course of state building. They tried to base their policy on the rejection and personal interpretation of the Soviet past. This approach has led to a sharp ethnic conflict of historic memories and dramatically affected political processes in these countries.</p>
<p>About the author:</p> <p>Candidate of Political Science, Head of the Section in the Second European Department, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation</p> <p>e-mail: andskachkov@yandex.ru</p>	
<p>Key words:</p> <p>historic memory; political processes; ruling elites; historic images and myths; shaping of historical consciousness; conflict of memories.</p>	

Для цитирования: Скачков А.С. Историческая память в политических процессах постсоветской Прибалтики // *Сравнительная политика*. – 2017. – № 1. – С. 140-151.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-140-151

For citation: Skachkov, Andrey S. Istoricheskaia pamiat' v politicheskikh protsessakh postsovetskoi Pribaltiki (Historic Memory in the Political Processes of the Post-Soviet Baltic States) // *Comparative Politics Russia*, 2017, No.1, pp. 140-151.

DOI: 10.18611/2221-3279-2017-8-1-140-151